

Тань Юмин повесил трубку. Подняв голову и увидев её, он затушил сигарету и с улыбкой ответил:

— Почему же «отделяюсь»? — Он указал на бокал с вином «Леруа» в её руке. — Разве это не в твоём вкусе?

Кан Ятун смотрела прямо на него. Тань Юмин с лёгкой улыбкой спокойно выдержал её взгляд.

Она и правда ему сильно помогла, но и «Пинхай» тоже пообещал их семье немало выгод. Тань Юмин не считал, что в чём-то перед ней в долгу.

В делах выгоды всегда есть взаимный обмен. А что касается всего остального, то это тем более нельзя смешивать с рабочими вопросами. Мухи отдельно, котлеты отдельно.

Отец Кан Ятун в этом году пошёл на повышение, а сама она собиралась занять пост финансового директора семейной компании. Она была на пике успеха, от перспективных молодых женихов отбоя не было. На её уловки она не велась. Поставив бокал с красным вином, она заявила:

— Тебе не стыдно называть это подарком, когда такое же вино подарили абсолютно всем гостям?

— Ох, госпожа моя, — Тань Юмин относился к старой школьной подруге с изрядным терпением и притворно взмолился о пощаде: — Скажи прямо, чего ты хочешь?

Кан Ятун посмотрела в его глаза — они и впрямь напоминали лепестки персика, источающие скрытый аромат. Она постучала указательным пальцем по бокалу:

— На прошлой церемонии открытия «Хуакан» среди всех инвесторов не было только представителей «Пинхай».

— Эй-эй, — Тань Юмин поднял руки, сдаваясь, но оставаясь при этом неуязвимым. — Мы от лица «Пинхай» прислали целую площадь цветочных корзин.

Кан Ятун тоже была не лыком шита, настоящая воительница, выросшая за столом переговоров:

— И все прекрасно поняли, что ты прислал их только потому, что не явился сам.

Тань Юмин сдался:

— Зачем же так наговаривать? Ну, говори, как мне искупить вину? Я бы и рад, да не знаю как. Дай мне чёткую инструкцию, директор Кан.

— Как? То, что задолжал «Пинхай», должен отрабатывать его президент. Зачем откладывать на потом, когда можно сделать это сегодня?

С Тань Юмином иногда было легко договориться, а иногда — нет:

— Сегодня не выйдет. Шэнь Цзуннянь уже почти закончил сверхурочные.

Кан Ятун мысленно закатила глаза. Не «сегодня не выйдет», а вообще никогда не выйдет.

Столько лет прошло, а он даже отмазки не меняет. В школьные годы говорил: «иду играть в мяч с Шэнь Цзуннянем», «жду Шэнь Цзунняня на обед», «иду делать уроки с Шэнь Цзуннянем».

Чтобы Тань Юмин — и делал уроки?! Смех да и только.

У неё была своя гордость. Приподняв бровь, она притворно возмутилась:

— И что же делать? В прошлый раз ты не пришёл, разве теперь все не будут смеяться надо мной?

Тань Юмин опустил голову, улыбнулся и сказал:

— Да кто посмеет над тобой смеяться? Я первый ему шею сверну. Давай так: на пресс-конференцию в конце месяца пришли обычного директора, даже вице-президента не нужно. Папарацци сразу поймут, что это ты не хочешь со мной связываться.

Кан Ятун посмотрела на него пару секунд в тишине и рассмеялась. Вот каков Тань Юмин: он подарит тебе подарок, но это будет подарок, как у всех. Он поможет тебе найти пути отхода и сохранить лицо, но не более того.

Мужчины делятся на джентльменов и ублюдков. О таких, как Тань Юмин, говорят: «романтичный и заботливый». И мало кто знает, что он умеет чётко проводить границы. Он отказывает так, что ты не можешь его возненавидеть, а, наоборот, продолжаешь думать о том, какой он хороший. Разве это не ужасно?

— Пф, я не настолько скучная. — Люди их круга привыкли выражаться намёками, ходить вокруг да около, проявляя крайнюю сдержанность. А уж если и говорили прямо, то на тридцать процентов в шутку и на семьдесят — ради приличий.

Кан Ятун была девушкой смелой и независимой. Она чокнулась с ним бокалом:

— Хочешь прислать мне приглашение? Становись в очередь. Я уйду.

Тань Юмин, как истинный рыцарь, проводил её обратно в главный зал:

— Прикажешь кому-нибудь подвезти тебя?

— Не нужно, мой водитель ждёт внизу.

— Хорошо, — Тань Юмин довёл её до дверей. — Осторожнее на дороге.

Ли Байхао долго искал его и наконец увидел, как тот поднимается по винтовой лестнице. Бросив взгляд на отъезжающую от входа машину, он тихо спросил:

— Наша сестрёнка Кан всё ещё не сдаётся? — Со школьной скамьи столько лет прошло.

Тань Юмин нахмурился и спокойно ответил:

— Не носи чушь. Мы обсуждали пресс-конференцию.

И добавил:

— После смены руководства «Хуакан» станет крупнейшим дистрибьютором. Назначение Кан Ятун на должность финансового директора уже подписано.

Ли Байхао тут же прикусил язык. Провожая Тань Юмина в главный зал, он заметил:

— Ты на полвечера пропал, чтобы проводить человека. Тебя точно оштрафуют.

Тань Юмин не придавал этому значения. Пить он умел, держался свободно, от предложений не отказывался. В перерыве он достал телефон.

— Ц-ц, опять тебя проверяют? — Приятели давно были недовольны тиранией Шэнь Цзунняня. Если уж на то пошло, они знали Тань Юмина с тех пор, как пешком под стол ходили, а этот Шэнь, как ни крути, появился в семье Тань только в двенадцать лет.

— Пф, — Тань Юмин со смехом ударил приятеля кулаком. — Кто посмеет меня проверять?

Тот всё ещё злился и хотел было возразить, но сосед дёрнул его за рукав.

Раньше у них был один друг, который считал, что их дружба с Тань Юмином нерушима. Он наговорил кучу гадостей, пытаясь вбить клин между ним и Шэнь Цзуннянем. Больше этого друга рядом с Тань Юмином никто не видел.

Как друг, молодой господин Тань был безупречен. Но лучше не лезть на рожон и не трогать его единственное больное место.

Когда «Бентли» остановился на проспекте Баолуо, в клубе как раз был час пик. На парковке яблоку негде было упасть. Шэнь Цзуннянь, боясь, что Тань Юмин его не найдёт, просто вышел из машины.

Он прождал полчаса, прежде чем вдали показался Тань Юмин в окружении нескольких людей. Он небрежно накинул пиджак на плечи, на губах играла лёгкая улыбка.

Провожающие тоже заметили Шэнь Цзунняня на другой стороне дороги и остановились. Такова была негласная договорённость, сложившаяся за десять с лишним лет.

Они не переходили дорогу к нему, а Шэнь Цзуннянь не подходил к ним.

Тань Юмин в два прыжка пересёк улицу и закинул руку на плечо Шэнь Цзунняня:

— Долго ждал? Виноват. Сегодня вечером...

Вдруг из-под полы его пиджака выпала игральная карта. Шэнь Цзуннянь опустил глаза и увидел червонного короля.

Они играли в карты.

Эта карта часто использовалась девушками в казино: если кто-то получал её, то мог обратиться к дарителю с любой просьбой. Каждая капля её аромата была пропитана сексуальным подтекстом.

Тань Юмин посещал клубы с подросткового возраста и прекрасно знал все правила игры в таких местах. Если бы не приказ Гуань Кэчжи, по которому Шэнь Цзуннянь должен был за ним приглядывать, кто знает, во что бы он сегодня превратился.

То, что дружки Тань Юмина за глаза называли Шэнь Цзунняня «пастушьей собакой», было небезосновательно.

Он холодно оттолкнул Тань Юмина. Уставившись на следы помады и вина на его воротнике, он с нетерпением бросил:

— В следующий раз звони водителю, а не мне.

Тань Юмин смотрел ему вслед и пробормотал:

— Твою мать, будто бомбу проглотил.

Его пошатывало. Он наклонился, поднял червонного короля, которого обманом спрятал у себя, лишь бы не отдавать, и выбросил в урну.

Шатаясь, он сел на пассажирское сиденье, взял пальто Шэнь Цзунняня и накрылся им, а его галстук намотал на запястье и стал играть с ним.

Тань Юмин закрыл глаза и потер переносицу. Будучи мертвецки пьяным, он ещё пытался кого-то допрашивать:

— Что ты делал вечером? Почему не скинул локацию?

Шэнь Цзуннянь промолчал. Он только что приехал из чайной при театре.

Там У Цышэн устроил встречу для высокопоставленных лиц. В такое напряжённое время пить не полагалось, поэтому они нашли изысканное местечко, чтобы попить чаю и послушать пару кантонских опер — «Цветок императорской дочери» и «Легенду о пурпурной шпильке».

У Цышэн был ветераном компании «Пинхай», служившим при трёх поколениях руководителей. Он был близким другом Тань Чуншаня, который и нанял его в наставники для Шэнь Цзунняня и Тань Юмина.

С ним они впервые побывали в здании фондовой биржи, впервые заключили крупную международную сделку. Переговоры, посредничество, манипуляции на рынке, скупка активов на дне. У Цышэн учил их всему: хорошему и плохому, правильному и извращённому.

Будучи друзьями детства и названными братьями, они стали ещё и соучениками. Оба называли У Цышэна учителем.

Выпив по три чашки элитного чая Цзинь Цзюнь Мэй, они непринуждённо обсуждали политику. Хайши был жемчужным портом, но в то же время таил в себе опасные мели. Везде было полно золота, но вокруг бушевали коварные волны. Шэнь Цзуннянь говорил мало, больше слушал, мысленно всё просчитывая.

После того как студенческие обязанности были выполнены, двое стариков, которые были старше У Цышэна, ждали машину. Думая, что все разошлись, они бросили пару фраз.

— Семья Тань отходит от дел, а старина У зачем-то выводит в свет этого Шэня.

— Эх, сейчас не время выводить мальчишку Тань. Шэнь отлично подходит для отвода глаз. Когда это он не делал всю грязную работу за других? Ему на роду написано быть мишенью.

— Тань Чуншань — старый хитрый лис. И правда вырастил для своего драгоценного сыночка отличного пса для охраны дома.

— Да ещё какого жестокого. Семью Чжан так цапнул, что шкуру снял. Столько лет прошло, а они всё ещё не оправились.

Шэнь Цзуннянь вытер руки салфеткой и дождался, пока их машина скроется из виду, прежде чем медленно выйти на улицу.

На следующий день Тань Юмин проснулся с похмельем и головной болью, опоздав на целых пять минут. Шэнь Цзуннянь оставил ему водителя, а сам уехал пораньше на большом пикапе.

Тань Юмин посмотрел на тёплый завтрак, пнул стул и выругался:

— Твою мать, обидчивый, как не знаю кто.

Шэнь Цзунняню вообще было некогда вспоминать старые обиды. Его утреннее расписание было забито до отказа. Ровно в пол-одиннадцатого он вернулся в корпорацию на плановое совещание. Оно ещё не закончилось, а Чжун Маньцин уже ждала за дверью:

— Господин Шэнь, господин Гао ждёт в приёмной.

Шэнь Цзуннянь кивнул. У него не было времени даже попить воды. Он отдал ей документы и пиджак, чтобы она отнесла их в кабинет, а сам спустился на тридцать четвёртый этаж.

Гао Хуакуй встал, увидев Шэнь Цзунняня:

— Цзуннянь.

— Двоюродный дедушка. — Шэнь Цзуннянь сел во главе стола.

— Цзуннянь, по поводу того, о чём мы говорили в прошлый раз. Я обсудил это с твоей двоюродной бабушкой. Посмотри, устроит ли тебя такой вариант.

Гао Хуакуй заметно нервничал, хотя был старше сидящего напротив мужчины почти на двадцать лет:

— Пусть Вэйхао напишет тебе расписку. Мы уже наняли людей, чтобы продать его машины, недвижимость и компанию. А акции... акции пусть пока останутся у него.

— И ещё по поводу работы в семейном офисе. Подумай, не мог бы ты как-то помочь с этим? Ты же знаешь характер твоей тёти Гуань. Нам, родственникам, неудобно к ней обращаться.

Бедные родственники не так страшны, как глупые. Сын Гао Хуакуя, Гао Вэйхао, не зная страха, ввязался в рискованные сделки с бандитами. Переговоры провалились, и ему грозили переломать руки и ноги. В такой ситуации Гао Хуакуй сразу же бросился за помощью к Шэнь Цзунняню.

— Если Вэйхао получит место в семейном офисе, мы всю его зарплату пустим на погашение долга. Семьи Шэнь и Тань ведь так тесно сотрудничают. Если что, он сможет замолвить за тебя словечко на собраниях в знак благодарности.

— Двоюродный дедушка, — Шэнь Цзуннянь старался быть сдержанным и вежливым со

старшими родственниками семьи Тань, но говорил предельно прямо. — Большинство объектов недвижимости компании дяди Вэйхао находятся в Гуаньтане и Куйцине. Их не продать за хорошую цену.

Лицо Гао Хуакуя застыло. Шэнь Цзуннянь применил метод кнута и пряника:

— Меня интересуют только акции «Пинхай». У вас остался один месяц, чтобы погасить два долга перед «Залом Белого Журавля». Вы с бабушкой можете ещё подумать.

Шэнь Цзуннянь не волновали эти копейки, и он легко мог разобраться с бандитами. Но то, что акции «Пинхай» оставались в руках этих людей, было бельмом на глазу. Гуань Кэчжи уже давно хотела их вернуть.

Однако Гао Хуакуй был родным братом старой госпожи Тань, Гао Шухун, и дядей Тань Чуншаня. Гуань Кэчжи было неудобно поднимать этот вопрос.

И тут Шэнь Цзуннянь становился пастушьей собакой, сторожевым псом и карающим мечом:

— Дедушка, мне не нужны деньги. Меня интересуют только акции. Я могу поднять цену покупки на два процента. Дядя Вэйхао получит сумму в три раза большую, чем от продажи компании.

Гао Хуакуй колебался. Он посмотрел на молодого мужчину, сидевшего в тени. Тот был способным, надёжным, но от него веяло холодом:

— Что касается устройства в семейный офис, дедушка... Моя фамилия не Тань, я не член инвестиционного комитета, и в делах семейного офиса у меня нет права голоса.

Гао Хуакуй приоткрыл рот. Шэнь Цзуннянь действительно не принадлежал к семье Тань. Но кто не знал, что когда Тань Юмин возглавил «Пинхай», именно Шэнь Цзуннянь помог ему полностью перестроить структуру семейного офиса?

Тань Юмин даже приглашал его стать партнёром, намереваясь превратить семейный офис в мультисемейный офис (MFO), но Шэнь Цзуннянь отказался.

Имея дело с бесполезными родственниками, Шэнь Цзуннянь чередовал пощёчины с угощениями:

— Если дядя интересуется финансами, в инвестиционном банке «Хуаньту» есть несколько вакансий. Я попрошу администрацию прислать вам информацию. Обсудите с ним, может, его это заинтересует.

Даже отобрав акции, Шэнь Цзуннянь не хотел пускать этого человека обратно в «Пинхай», чтобы тот снова не натворил дел. Держать его у себя на виду было спокойнее.

Гао Хуакуй поспешно закивал. Администрация проводила его из здания «Хуаньту». Как только он ушёл, Шэнь Цзуннянь связался с семейным офисом:

— Проверьте кредитную историю Гао Вэйхао. Если есть проблемы, составьте список. Если проблем нет — найдите их.

— Найдите людей, чтобы изъять бизнес-лицензии и квалификационные сертификаты всех компаний, зарегистрированных на его имя.

Хоть это и называлось семейным офисом Тань, на самом деле власть в нём держал Шэнь Цзуннянь. На другом конце провода почтительно согласились.

Только вернувшись в кабинет, он наконец нашёл время выпить воды. Его ждал десяток нерешённых дел. Шэнь Цзуннянь действовал чётко и быстро, но стоило ему пропустить несколько звонков Тань Юмина, как тот сразу же нашёл повод для упрёка.

— Ты занят больше, чем глава администрации!

Тань Юмин сел на пассажирское сиденье, одним движением снял галстук и пиджак и швырнул их на заднее сиденье.

Шэнь Цзунняню было лень ему отвечать. Вывернув руль, он выехал на проспект Баолуо. Тань Юмин взял телефон с центральной консоли и, даже не проверив, чей он, начал копаться в нём.

— И почему они вечно тебя дёргают? Хватит им потакать. — Тань Юмин достал лимонный чай из бардачка, сделал большой глоток и язвительно добавил: — Что Гао Вэйхао забыл в инвестбанке «Хуаньту»? Охранником пойдёт?

Он никак не мог понять, почему все их родственники, один за другим, повисли на шее Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь, который всё утро разгребал семейные проблемы Тань Юмина, огрызнулся:

— Если я работаю водителем, почему бы ему не пойти охранником?

— ... — Тань Юмин замолчал, а потом сказал: — Я напишу в семейный чат, чтобы они перестали тебя доставать.

Шэнь Цзуннянь освободил руку и ловким движением выхватил у него телефон:

— Не дури.

Если они не будут обращаться к нему, то пойдут к Тань Юмину. Бандитам из «Зала Белого Журавля» нужна была кровь, а не деньги. Шэнь Цзуннянь никогда не подпускал Тань Юмина к таким делам.

Тань Юмин опешил от того, что у него внезапно забрали телефон. Он хотел было возразить, но Шэнь Цзуннянь нажал на газ и вывернул на улицу Цзошидэн:

— У меня сегодня дела. Довезу тебя до дома.

— Какие ещё дела?

— Рабочие.

— Какая ещё работа?

Шэнь Цзуннянь предупредил:

— Не лезь на рожон.

Тань Юмину было плевать, рабочие это дела или личные:

— Как приедешь, скинь локацию.

Шэнь Цзуннянь гнул свою линию:

— Экономка оставила ужин в термостате. Поешь и достань из холодильника суп. Выпей всё.

В последнее время было слишком много приёмов. Шэнь Цзуннянь перестал делать ему холодный лимонный чай и велел экономке сварить суп с женьшенем для желудка.

— Разогрей на плите, в микроволновку не ставь. Посуду оставь, её уберут.

Тань Юмин опустил голову и отстегнул ремень безопасности. Он промолчал: этот суп был просто отвратительным на вкус.

Шэнь Цзуннянь припарковался и произнёс с бесстрастным лицом:

— И не дай бог я узнаю, что ты вылил его в раковину.

Тань Юмина бесил его поучительный тон, и он с силой захлопнул дверь.

Шэнь Цзуннянь тоже не собирался с ним нянчиться. Он развернулся, чтобы уехать. Тань Юмина раздражала такая поспешность, и он ухватился за край его окна.

Шэнь Цзуннянь слегка нажал на тормоз. Подняв глаза, он посмотрел на него снизу вверх через окно.

Тань Юмин думал-думал, но так и не нашёл повода придраться. Раздражённо махнув рукой, он разрешил ему ехать.

<http://bllate.org/book/17117/1599352>